

Мама

У окна перекошена рама,
приоткрыть можно только на треть.
У окна терпеливая мама
ждёт свою заплутавшую смерть.

Смотрит вдаль отрешённо часами,
теребит бесконечно платок.
За долами, горами, лесами
всё звучит ей какой-то манок.

Мама, мама... Вот адова мука —
этот холод уже не согреть.
Разве только держать твою руку
да в окошко с тобою смотреть.

Бабушка вяжет

Бабушка вяжет и тихо поёт —
детство моё утепляет.
Всё очень просто — две петли кладёт,
следующую спускает.

Время, как пряжа, скаталось в клубок —
тоненькой ниткой струится.
Мальчика с пальчик, нет — с ноготок,
заворожили спицы.

Что пригорюнился ты, голубок, —
страшно колдуют спицы?
Вон как уже истончился клубок —
это тебе за тридцать.

Мальчик устало газету кладёт,
мальчик глаза прикрывает...
Бабушка вяжет — две петли кладёт,
следующую спускает.

***

Не искупит тоски, не утешит
в час полночный слепое окно.
Где внезапною вьюгой кромешной
половину земли замело.

Вот такие вселенские прятки —
будто жизнь в эту ночь утекла...
Даже лба, даже губ твоих жарких
не остудит бесстрастность стекла.

Обречённость в полоске карниза
не укроют снежинок штрихи.
Так уходят внезапно из жизни.
Так пожизненно пишут стихи.

***

Тишину мою двигают ходики:
тик, тик-так, молоточками бьют...
Залетели метели во дворики,
словно лисы хвосты свои вьют.

Февраля неизменны приметы —
шарф на горло да тёплый халат.
И моя половина планеты —
с белизною больничных палат.

Жизни вес перешёл уже в граммы...
Оболдуй, что ж я плохо учил:
что там мыла в учебнике мама —
может, раму? Я всё позабыл.
Лишь закат, да унылые ходики,
да прицел в перекрестии рам...
И цежу, как цедят алкоголики,
своей жизни последних сто грамм.

Час вечерний надвинет забрало,
сократив горизонты на треть...
Жизни мало, ах, как её мало —
разве только успеть умереть.

***

Сижу, как кот, на солнцепёке,
отогреваюсь от зимы.
О жизни думаю, о Боге,
о пережитках старины.

Над крышей солнышко в улыбке,
сосулек свесились носы —
они ведь тоже пережитки
для наступающей весны.

Мы вместе киснем под лучами,
но это только так, на вид.
Душа парит под небесами,
и телогреечка — парит.

Витрины моют. И окошки
бесстрашно в мир растворены.
Мир юн и свеж. И всё ж немножко
он пережиток старины.

Дядя Саша

Дядя Саша — добрый ветеран.
Не ворчит и попусту не злится.
Дом его, открытый всем ветрам,
почему-то нравится синицам.

Я сижу с ним рядом и молчу,
внемлю байкам старого солдата.
Птицы скачут по его плечу
и клюют из телогрейки вату.

Он бубнит и ёрзает плечом —
как в бою был ловок и бесстрашен.
Но синицы знают что почём:
знай себе долбают дядю Сашу.

Дядя Саша — полный кавалер,
грудь его по праздникам — лучится!
Я молчу. Я только пионер.
Мне на плечи не садятся птицы.

***

Дочурке я даю советы,
как взрослою скорее стать,
я говорю: «Вот будет лето,
а летом лет нам будет пять».

Но отвечает дочка просто,
(ей просто верить в простоту):
«Нет, папа, я не буду взрослой,
а то я взрослая умру».

И дальше весело продолжит
свою куклёшную возню.
Я отвернусь, подумав: «Боже...»
И слов, конечно, не найду.

***

Откуда этот лёд и зной
в тебе, Марина?
Что ни прохожий — стороной,
чужак, чужбина.

Война, разор, несносный быт —
всё мимо, мимо...
Уж вся Елабуга горит
твоей рябиной.

Уж август отвернул лицо —
не хочет знаться.
Взойди на низкое крыльцо
Покровской, 20.

За ненасытность жить и быть,
за вкус малины,
за гордость жадную платить
тебе, Марина.

В помин души и в знак любви
поставлю свечку —
пусть все прохожие твои
ТАМ будут встречены!

Малая родина

Милая малая родина,
вот и вернулся я в срок.
Пыль, да ковыль, да смородина
вдоль твоих лёгких дорог.

Степь под колесами стелется,
словно линялый платок.
Белое облако пенится —
тушит горящий восток.

В памяти детские родинки:
мама, сирень, сизари...
Ждут меня, милая родина,
светлые речки твои.

Ночь и костёр одинокий,
всплеск на вечерней воде,
свет от созвездий далёких,
льющийся с неба ко мне.

Словно улыбкою маминой
здесь я согрет глубоко.
Если ты, родина, — малая,
что же тогда велико?

Из детства

Плыл томительный август, варили варенье,
всей семьёю ходили в кино —
это лето девятое от исчисления
рождества моего.

Это коврик у койки цветастый, тряпичный
и рубахи пузырь за спиной.
Это сбор на помойке коробочек спичечных
под азартные крики: «Чур, мой!»

Это наши следы во саду-огороде,
это бабушкин зонт-парашют.
И пожизненный принцип, присущий природе,
что лежачего просто не бьют.

Пустячки в череде судьбоносных событий,
отчего же в себе я несу,
как мне парили пятки и цыпки в корыте,
как варили варенье в тазу?

Что казалось мне главным — навек забывалось.
Загляжусь в своё детство, а там —
на крылечке с котёнком сидит, забавляясь,
в синей майке худой мальчуган.

Ссора

Слов кирпичики класть ты умела...
И росла между нами стена.
Как ты, бедная, похудела!
Из тебя выпирают слова.

Где ж ты слов этих гадких сыскала?
Видно, в наших очередях.
Впрочем, чтобы тебе полегчало, —
бормочи, топочи в сердцах.

А потом, в этом хаосе жутком,
постараюсь поспеть к утру:
развинчу твои фразы по буквам —
дочке азбуку соберу.

***

Приезжай ко мне, сын мой Глебушка,
отыщи в степях ты мой дом.
Я попотчую тебя чёрным хлебушком,
напою тебя молочком.

Подломилась у нас к Богу лестница,
да не тужим мы, а живём.
Наклонила ковш к нам Медведица,
мы с ковша того воду пьём.

В полстепи легла тень орлиная,
от краёв земли — на восток.
Расплетёт косу моя милая —
побежит река за порог.

Ну а коль тоска сердце застила,
мы такую песнь запоём —
не случись допеть её засветло,
мы и затемно допоём.

Приезжай ко мне, сын мой Глебушка,
отыщи в степях ты мой дом..